

Константин Дмитриевич Ушинский
Рассказы и сказки(сборник)

Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)», книга 1

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8201376

Рассказы и сказки [сост. и предисл. В. Л. Муравьева]: Дет. лит.; Москва; 2014

ISBN 978-5-08-005214-9

Аннотация

В книгу входят хорошо известные многим поколениям читателей рассказы и сказки о доброте, справедливости и трудолюбии.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

К. Д. Ушинский	6
Дети в роще	8
Дети в роще	8
Дедушка	11
Играющие собаки	12
Паук	13
Гуси	15
Ученый медведь	16
Трусливый Ваня	18
Любопытство	19
Поездка из столицы в деревню	21
Ветер и солнце	28
Ветер и солнце	28
Спор воды с огнем	29
Утренние лучи	30
Ручей	32
Четыре желания	37
Четыре желания	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Константин Дмитриевич Ушинский

Рассказы и сказки

Сборник

A handwritten signature in black ink, reading "К. Д. Ушинский". The signature is written in a cursive style with a long horizontal stroke extending from the end of the name.

1824–1870

К. Д. Ушинский

Нет в нашей стране человека, который не знал бы сказок про курочку рябу, про колобка, про братца Иванушку с сестрицей Аленушкой, не читал бы рассказа «Четыре желания», не повторял бы лукавую прибаутку про лентяя Тита: «Тит, иди молотить». – «Брюхо болит». – «Тит, иди кисель есть». – «А где моя большая ложка?»

Все эти и многие другие, так же хорошо известные всем сказки, рассказы и прибаутки одни сочинил, другие пересказал Константин Дмитриевич Ушинский.

Константин Дмитриевич Ушинский родился сто восемьдесят лет назад, в 1824 году.

Детство он провел на Украине, в маленьком городке Новгород-Северске и учился в тамошней гимназии.

Гимназия, вспоминал Ушинский, помещалась в старом, ветхом здании, похожем больше на сарай, чем на школу. «Окна в старых рамах дрожали, подгнившие полы, залитые чернилами и стоптанные гвоздями каблуков, скрипели и прыгали; расколовшиеся двери при-творялись плохо, длинные старые скамьи, совершенно утратившие свою первоначальную окраску, были изрезаны и исписаны многими поколениями гимназистов. Чего-чего только не было на этих скамьях! И ящички самой замысловатой работы, и прехитрые, многосложные каналы для спуска чернил, и угловатые человеческие фигурки – солдатики, генералы на лошадях, портреты учителей; и бесчисленные изречения, бесчисленные обрывки уроков, записанных учеником, не понадеявшимся на свою память, клеточки для игры в скубки, состоящей в том, что гимназист, успевший поставить три креста сряду, драл немилосердно своего партнера за чуб... В низших классах бывало до того душно, что какой-нибудь новенький учитель, еще не привыкший к нашей гимназической атмосфере, долго морщился и отплеывался, прежде чем начинал свой урок».

Но директор гимназии И. Ф. Тимковский – писатель и историк, добрый и образованный человек, сумел воспитать в гимназистах уважение к знанию, к науке, и те гимназисты, которые хорошо учились, пользовались среди товарищей большим уважением.

После гимназии Ушинский учился в Московском университете. А окончив университет, сам стал учителем.

Сначала он работал в Ярославле, потом его назначили преподавать русскую словесность – так тогда в школах назывались уроки русского языка и литературы – в Гатчинский сиротский институт, в котором жили и учились дети-сироты.

Когда Ушинский начал преподавать в Гатчинском институте, он обнаружил, что его ученики и ученицы очень плохо знают все предметы.

То же самое он увидел и в Смольном институте благородных девиц, куда его перевели потом и где воспитывались дочери дворян. Девочки были уверены, что булки растут на деревьях, а когда однажды им задали написать сочинение «Восход солнца», они даже не смогли объяснить, почему солнце восходит и заходит.

Но хуже всего было то, что они считали ученье мукой мученической и наказанием.

И так во всех школах.

Ушинский очень любил детей и очень им сочувствовал: учиться им действительно было трудно. Учебники, по которым они учились, были скучные и непонятные, и ребятам, чтобы не получить плохой отметки, приходилось затверживать их наизусть.

И вот Константин Дмитриевич Ушинский решил написать такой учебник, по которому детям учиться было бы легко и интересно. А когда ученье не мученье, тогда ученик и занимается, и учится успешнее.

И Ушинский составил два таких учебника для начальной школы. Они назывались «Родное слово» и «Детский мир».

«Родное слово» и «Детский мир» были совсем не похожи на прежние скучные учебники. В них было все понятно и очень интересно. Уж их-то начнешь читать и не оторвешься: хочется скорее узнать, про что написано на следующей странице.

В свои книги Ушинский поместил сказки – некоторые из них он слышал в детстве и теперь пересказал, а некоторые придумал сам.

Он сочинил рассказы о том, что близко детям, что окружает их в повседневной жизни, – о животных и птицах, о явлениях природы, о самих детях, об их занятиях и играх.

Он рассказал ребятам про то, что хлеб, который они едят, одежда, которую они носят, дом, в котором живут, – все это дело рук людей, и поэтому самый нужный, самый уважаемый человек в обществе – труженик: крестьянин, ремесленник, рабочий.

Вместе со своим другом – молодым учителем Модзалевским Константин Дмитриевич сложил стихотворения-песенки, которые так легко запоминались. Они тоже вошли в его книги.

Среди этих песенок была и вот эта:

Дети, в школу собирайтесь!
Петушок пропел давно!
Попроворней одевайтесь!
Смотрит солнышко в окно.

Книги Ушинского открывали детям большие и маленькие тайны огромного мира, в котором они только начинали жить и в котором так много было незнакомого, непонятного и таинственного.

А главное – они открывали самую большую тайну: в чем радость и счастье человека. Из рассказов и сказок Ушинского всем было ясно, что счастливым бывает только добрый, честный и трудолюбивый человек.

В первый раз книги Ушинского «Родное слово» и «Детский мир» были напечатаны около двухсот лет тому назад. По ним учились многие поколения: не только наши бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки, но и прапрабабушки и прапрадедушки.

И нынешние школьники читают и любят сказки Константина Дмитриевича Ушинского.

Можно с уверенностью сказать, что эти рассказы и сказки будут читать и любить еще много-много новых поколений, потому что всегда у людей будут в почете труд, знание, честность и доброта.

Вл. Муравьев

Дети в роще

Дети в роще

Двое детей, брат и сестра, отправились в школу. Они должны были проходить мимо прекрасной, тенистой рощи. На дороге было жарко и пыльно, а в роще прохладно и весело.

– Знаешь ли что? – сказал брат сестре. – В школу мы еще успеем. В школе теперь душно и скучно, а в роще должно быть очень весело. Послушай, как кричат там птички; а белок-то, белок сколько прыгает по веткам! Не пойти ли нам туда, сестра?

Сестре понравилось предложение брата. Дети бросили азбуки в траву, взяли за руки и скрылись между зелеными кустами, под кудрявыми березами. В роще точно было весело и шумно. Птички перепархивали беспрестанно, пели и кричали; белки прыгали по веткам; насекомые сустились в траве.

Прежде всего дети увидели золотого жучка.

– Поиграй-ка с нами, – сказали дети жучку.

– С удовольствием бы, – отвечал жук, – но у меня нет времени: я должен добыть себе обед.

– Поиграй с нами, – сказали дети желтой, мохнатой пчеле.

– Некогда мне играть с вами, – отвечала пчелка, – мне нужно собирать мед.

– А ты не поиграешь ли с нами? – спросили дети у муравья.

Но муравью некогда было их слушать: он тащил соломинку втрое больше себя и спешил строить свое хитрое жилище.

Дети обратились было к белке, предлагая ей также поиграть с ними, но белка махнула пушистым хвостом и отвечала, что она должна запастись орехами на зиму. Голубь сказал: «Строю гнездо для своих маленьких деток». Серенький зайчик бежал к ручью умыться свою мордочку. Белому цветку земляники также некогда было заниматься детьми: он пользовался прекрасной погодой и спешил приготовить к сроку свою сочную, вкусную ягоду.

Детям стало скучно, что все заняты своим делом и никто не хочет играть с ними. Они подбежали к ручью. Журча по камням, пробежал ручей через рошу.

– Тебе уж, верно, нечего делать, – сказали ему дети. – Поиграй же с нами.

– Как! Мне нечего делать? – прожурчал сердито ручей. – Ах вы, ленивые дети! Посмотрите на меня: я работаю и днем и ночью и не знаю ни минуты покоя. Разве не я пою людей и животных? Кто же, кроме меня, моет белье, вертит мельничные колеса, носит лодки и тушит пожары? О, у меня столько работы, что голова идет кругом, – прибавил ручей и принялся журчать по камням.

Детям стало еще скучнее, и они подумали, что им лучше было бы пойти сначала в школу, а потом уж, идучи из школы, зайти в рощу. Но в это самое время мальчик заметил на зеленой ветке крошечную, красивую малиновку. Она сидела, казалось, очень спокойно и от нечего делать насвистывала прелестную песенку.

— Эй ты, веселый запевало! — закричал малиновке мальчик. — Тебе-то уж, кажется, ровно нечего делать: поиграй же с нами.

— Как? — просвистала обиженная малиновка. — Мне нечего делать? Да разве я целый день не ловила мошек, чтобы накормить моих малюток! Я так устала, что не могу поднять крыльев; да и теперь убаюкиваю песенкой моих милых деток. А вы что делали сегодня, маленькие ленивцы? В школу не пошли, ничего не выучили, бегаете по роще да еще мешаете другим дело делать. Идите-ка лучше, куда вас послали, и помните, что только тому приятно отдохнуть и поиграть, кто поработал и сделал все, что обязан был сделать.

Детям стало стыдно; они пошли в школу и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

Дедушка

Сильно одряхлел дедушка. Плохо он видел, плохо слышал; руки и ноги у него дрожали от старости: несет ложку ко рту и суп расплескивает.

Не понравилось это сыну и невестке: перестали они отца с собой за стол сажать, прятали его за печь и стали кормить из глиняной чашки. Задрожали руки у старика, чашка упала и разбилась. Пуще прежнего разозлились сын и невестка: стали они кормить отца из старой деревянной миски.

У старикова сына был свой маленький сынок. Сидит раз мальчик на полу и складывает что-то из щепочек.

– Что ты делаешь, дитятко? – спросила у него мать.

– Коробочку, – отвечает дитя. – Вот как вы с тятенькой состаритесь, я и буду вас из деревянной коробочки кормить.

Переглянулись отец с матерью и покраснели. Полно с тех пор старика за печь прятать, из деревянной чашки кормить.

Подсади на печь дедушку, тебя внуки подсадят.

Уважай старика: сам будешь стар.

Играющие собаки

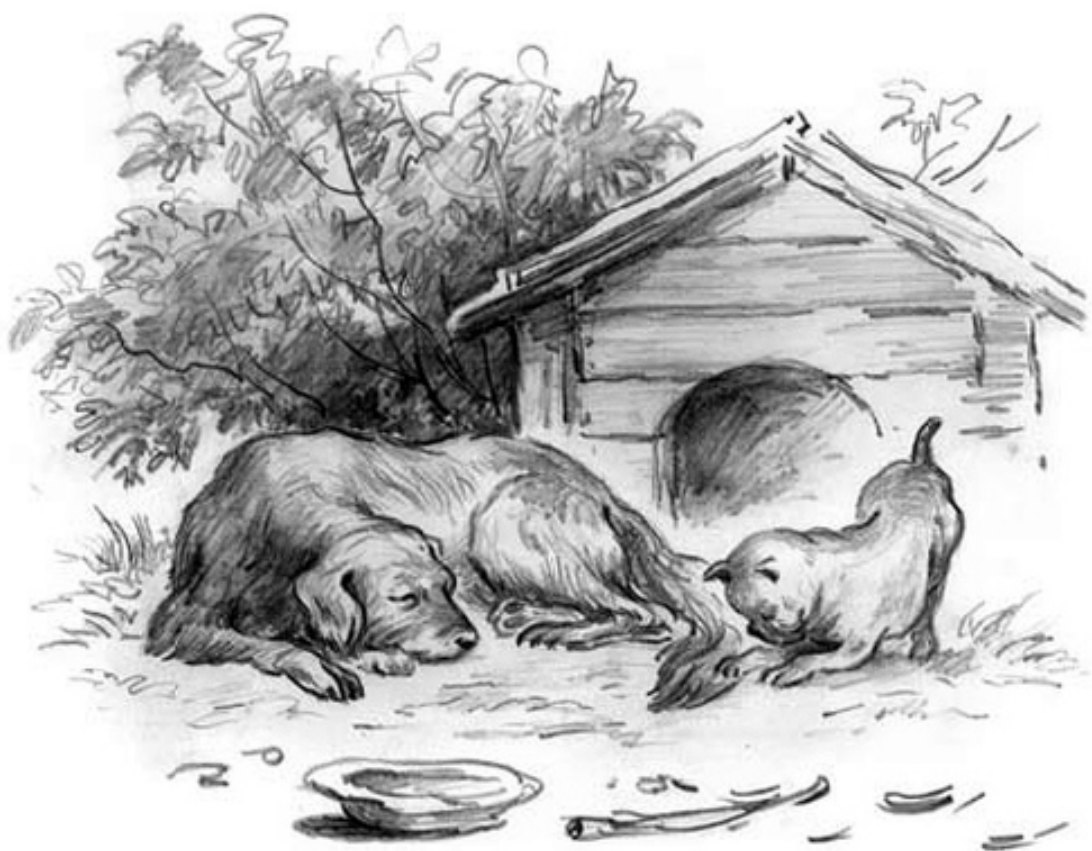
Володя стоял у окна и смотрел на улицу, где грелась на солнышке большая собака, Полкан.

К Полкану подбежал маленький Мопс и стал на него кидаться и лаять; хватал его зубами за огромные лапы, за морду и, казалось, очень надоедал большой и угрюмой собаке.

– Погоди-ка, вот она тебе задаст! – сказал Володя. – Проучит она тебя.

Но Мопс не переставал играть, а Полкан смотрел на него очень благосклонно.

– Видишь ли, – сказал Володе отец, – Полкан добрее тебя. Когда с тобою начнут играть твои маленькие братья и сестры, то непременно дело кончится тем, что ты их приколотишь. Полкан же знает, что большому и сильному стыдно обижать маленьких и слабых.

Паук

Мальчик пошел со своим отцом в виноградник. Там увидел он пчелу, запутавшуюся в паутину. Паук уже готовился вонзить свои ядовитые зубы в тело бедного насекомого, но мальчик разорвал сети хищника и освободил пчелу.

– Ты очень мало ценишь искусство этого насекомого, разрывая его хитрую сеть, – сказал отец мальчику. – Разве ты не видишь, как правильно и красиво переплетены эти тонкие ниточки?

– Я думаю, – отвечал мальчик, – что паук так искусно плетет свою сеть для того, чтобы ловить в нее и потом убивать других насекомых, а пчелка собирает мед и воск. Вот почему я освободил пчелку и разрушил хитрое тканье паука.

Отцу понравилось суждение мальчика.

– Правда твоя, – сказал он сыну, – но, может быть, ты поступил с пауком не совсем справедливо. Развешивая свою ткань по ветвям винограда, он защищает зреющие кисти от мух и ос и истребляет вредных насекомых.

– Делает ли он это для того, – спросил мальчик, – чтобы сберечь для нас виноград, или для того, чтобы самому пожить и мухами?

– Конечно, – отвечал отец, – ему нет дела до нашего винограда.

– В таком случае, – отвечал мальчик, – добро, которое делает паук, не может быть вменено ему в заслугу.

– Правда твоя, – отвечал отец. – Мы должны благодарить за это природу, которая и вредных созданий умеет заставить делать добро и приносить пользу.

– Но скажите, батюшка, – продолжал мальчик, – почему паук в одиночку тклет свою паутину, тогда как пчелы целым обществом делают свои соты?

– Потому, – отвечал отец, – что только добрая цель может прочно соединять многих, союз злых разрушается сам собою.

Гуси

Вася увидел вереницу диких гусей, которые неслись высоко в воздухе.

Вася. Могут ли так же летать наши домашние утки?

Отец. Нет.

Вася. Кто же кормит диких гусей?

Отец. Они сами отыскивают себе пищу.

Вася. А зимою?

Отец. Как только наступает зима, дикие гуси улетают от нас в теплые страны, а весной возвращаются снова.

Вася. Но почему же домашние гуси не могут летать так же хорошо и почему не улетают они от нас на зиму в теплые страны?

Отец. Потому, что домашние животные потеряли уже отчасти прежнюю ловкость и силу и чувства у них не так тонки, как у диких.

Вася. Но почему это случилось с ними?

Отец. Потому, что люди об них заботятся и отучили их пользоваться их собственными силами. Из этого ты видишь, что и люди должны стараться делать сами для себя все, что только могут. Те дети, которые полагаются на услуги других и не приучаются сами делать для себя все, что только могут, никогда не будут сильными, умными и ловкими людьми.

Вася. Нет, теперь я буду стараться сам все для себя делать, а не то, пожалуй, и со мной может сделаться то же, что с домашними гусями, которые разучились летать.

Ученый медведь

– Дети! Дети! – кричала няня. – Идите медведя смотреть.

Выбежали дети на крыльцо, а там уже много народу собралось. Нижегородский мужик, с большим колом в руках, держит на цепи медведя, а мальчик приготовился в барабан бить.

– А ну-ка, Миша, – говорит нижегородец, дергая медведя цепью, – встань, подымись, с боку на бок перевались, честным господам поклонись и молодкам покажись.

Заревел медведь, нехотя поднялся на задние лапы, с ноги на ногу переваливается, направо, налево раскланивается.

– А ну-ка, Мишенька, – продолжает нижегородец, – покажи, как малые ребятишки горох воруют: где сухо – на брюхе; а мокренько – на коленочках.

И пополз Мишка: на брюхо припадает, лапой загребает, будто горох дергает.

– А ну-ка, Мишенька, покажи, как бабы на работу идут.

Идет медведь, нейдет; назад оглядывается, лапой за ухом скребет.

Несколько раз медведь показывал досаду, ревел, не хотел вставать; но железное кольцо цепи, продетое в губу, и кол в руках хозяина заставляли бедного зверя повиноваться. Когда медведь переделал все свои штуки, нижегородец сказал:

– А ну-ка, Миша, теперича с ноги на ногу перевались, честным господам поклонись, да не ленись, да пониже поклонись! Потешь господ и за шапку берись: хлеб положат, так съешь, а деньги, так ко мне вернись.

И пошел медведь, с шапкой в передних лапах, обходить зрителей. Дети положили гривенник; но им было жаль бедного Миши: из губы, продетой кольцом, сочилась кровь.

Трусливый Ваня

Замесила мать Вани тесто в квашне и поставила на печь киснуть, а сама ушла к соседке.

В сумерках пришел Ваня домой, окликнул – никого в избе нет. Вот и хотел он огоньку вздуть, как слышит: кто-то на печи пыхтит. «Видно, домовый!» – подумал Ванюша, затрясся от страха, выпустил из рук лучину – да бежать. Впотьмах наступил Ваня на кочергу, а она его по лбу!

– Ай-ай, батюшки, помогите! Помогите! – завопил Ваня и хотел было вон из избы. На ту беду разулся у него лапоть, и Ванюша прихлопнул дверью оборку от лаптя: растянулся в сенях и вопит благим матом: – Ай, батюшки! Ай, соседушки! Помогите! Отымите! Держит меня домовый!

Прибежали соседи, подняли Ванюшу ни жива, ни мертва; а как узнали, в чем дело, то стали над ним смеяться. Долго потом все дразнили Ванюшу и расспрашивали его: как это он испугался теста в квашне, кочерги в углу, лаптя на своей ноге?

Любопытство

Павлуша (с любопытством). Что это там у тебя в переднике, Лиза?

Лиза. А тебе это очень нужно знать?

Павлуша (шутя). Покажи же, а не то я насильно посмотрю.

Лиза. Ничего там нет.

Павлуша. Неправда: ты что-то прячешь от меня. Покажи, пожалуйста, покажи.

Лиза. Не тронь: может быть, это подарок тебе к Новому году.

Павлуша. Как? Что? Подарок к Новому году? Покажи же, душечка сестрица, покажи, что там такое (*хочет вырвать передник из рук сестры, но Лиза не дает*). Скажи, по крайней мере, что это такое? Верно, кошелек? Не правда ли, кошелек?

Лиза. Зачем тебе кошелек; разве я тебе не вывязывала кошелек?

Павлуша. Что ж бы это было такое? Ах, знаю: ты связала мне шарфик.

Лиза. У тебя два шарфика. На что же тебе третий?

Павлуша. Как ты меня мучишь, сестрица! Какая ты скрытная!

Лиза. Какой ты любопытный!

Павлуша. Знаю, знаю. Это, верно, батюшка купил мне что-нибудь к Новому году, какая-нибудь игрушка?

Лиза. Может быть, батюшка и купил тебе что-нибудь, но ты знаешь, как он не любит, чтобы угадывали заранее его подарки.

Павлуша. Да я ему не скажу и в Новый год притворюсь, как будто ничего не знаю.

Лиза. Я и не знала, что ты умеешь так притворяться. Покажи же, как ты это сделаешь.

Павлуша. Уж сделаю как-нибудь, но помоги мне, пожалуйста, отгадать, что там у тебя такое. Что-нибудь из царства растительного?

Лиза. Нет.

Павлуша. *Из царства животного?*

Лиза. Нет.

Павлуша. *Из царства минерального?*

Лиза. Нет.

Павлуша. Теперь же я тебя поймал: конечно, нет в твоём переднике чего-нибудь *из царства духов.*

Лиза. Конечно нет! *(Опускает со смехом передник и показывает, что в руках у нее ничего нет.)* К какому царству принадлежит ничто?

Павлуша. Ах ты плутовка! Зачем же ты так таинственно закрывала руки передником, как будто бы у тебя бог знает что такое?

Лиза. Мне просто было холодно без перчаток; а ты сам себя наказал своим любопытством.

Павлуша. Хорошо, хорошо, но, знаешь ли, что я скажу тебе, Лиза! В другой раз ты меня так не проведешь.

Поездка из столицы в деревню

Столица и ее окрестности

Володя и Лиза во всю свою жизнь ни разу не выезжали из Петербурга. Можно себе представить, как они обрадовались, когда отец сказал им, что они на целое лето поедут в деревню за 600 верст.

В день, назначенный для отъезда, к крыльцу подъехал укладистый тарантас¹, запряженный тройкою почтовых лошадей. Укладка продолжалась часа полтора, так что только к вечеру маленькая семья уселась в экипаж, и колеса его запрыгали по каменной мостовой.

Улицы через две тарантасы выехал на *набережную* Невы и поехал по длинному каменному мосту с чугунными перилами, сделанными точно из кружев. На широкой, величественной реке мелькали сотни лодок, летели один за другим дымящиеся пароходы, а вдали, как лес, стояли бесчисленные мачты стройных кораблей. Великолепная гранитная набережная, уставленная дворцами, величественные церкви, обширные красивые площади, широкие, богатые, шумные улицы, чудесные памятники – все это дети видели уже часто, и все это им было не в диковинку.

За мостом тарантас поехал по одной из лучших улиц *столицы*. Сплошные ряды громадных каменных домов подымались высокими стенами по обеим сторонам. Тысячи раззолоченных вывесок пестрели на домах. За огромными зеркальными окнами великолепных магазинов и богатых лавок были выставлены и разложены самые разнообразные товары. Здесь было все, что угодно: золотые и серебряные вещи, чудные изделия из дорогих камней, роскошные материи для платьев, шитые костюмы, картины, статуэтки, книги, часы, игрушки, конфеты и пирожные, редкие дорогие фрукты, заманчиво разложенная зелень... Но у крыльца одного из таких магазинов дети заметили бедняка в лохмотьях, который робко посматривал вокруг, не подаст ли ему кто-нибудь гроша; а этот грош нужен был ему для куска хлеба, одежды и найма квартиры где-нибудь в подвале этих роскошных домов.

Блестящие экипажи с грохотом неслись по мостовой; разряженные толпы народа двигались по тротуарам; беспрестанно попадались навстречу конные и пешие отряды солдат, оружие которых сверкало на солнце. Но Володе и Лизе хотелось поскорее за город, в леса,

¹ Тарантас – крытая или открытая четырехколесная длинная повозка.

в поля, в деревню. Часа через полтора тарантас выехал за заставу и поехал по шоссе – гладкому, прямому, как стрела, с каменными мостиками, с каменными верстовыми столбами. По обеим сторонам его стояли красивенькие дачи с маленькими запыленными садиками. Шуму и толкотни здесь было меньше, чем где-нибудь на Невском, но все еще очень и очень много.

Навстречу нашим путешественникам беспрестанно попадались: то громадные почтовые кареты с разодетыми кондукторами впереди, которые то и дело трубили в медные рожки, то блестящие городские экипажи, то длинные, тяжело нагруженные товарами обозы, даже городские, легковые извозчики с номерами на затылках. Все эти предметы были очень хорошо знакомы детям и мало напоминали собою деревню. Они даже плохо слышали колокольчик, который болтался под дугою, а нарядный ямщик, сидевший у них на козлах, походил более на кучера, чем иной бедный петербургский извозчик. Близость огромного, многолюдного города слышна и видна была еще повсюду.

Начинало вечереть. Дети проснулись сегодня чуть ли не в три часа утра, провозились за укладкой целый день, а потому глаза их слипались, головки клонились на подушки, которых было довольно в тарантасе. Скоро наши маленькие путешественники заснули и спали долго и крепко, как спят только усталые дети на вольном воздухе, под открытым небом, при небольшой, убаюкивающей качке экипажа, под усыпительные звуки почтового колокольчика. Короткая петербургская ночь была светла, и тарантас быстро удалялся от Петербурга.

Солнце уже было высоко, и тарантас успел уехать более ста верст, когда Володя и Лиза проснулись. Разоспавшиеся дети насилу могли вспомнить, что с ними делается, где они и что это за колокольчик звенит перед ними. Но едва только мелькнула у них мысль, что они в дороге, на пути в деревню, едут на почтовой тройке, и притом еще с колокольчиком, как сна будто и не бывало! Весело и бодро вскочили они и с любопытством стали осматриваться кругом.

Твердое, каменистое шоссе уже исчезло. Экипаж тихо катился по мягкой, *простой почтовой* дороге, и почтовый колокольчик звонко побрякивал в чистом утреннем воздухе. Ямщику понадобилось поправить упряжь пристяжных лошадей: он остановил тройку и слез с козел. Прежде всего поразила детей глубокая тишина, царствовавшая в полях. Только где-то, высоко, пел невидимый жаворонок. Серебряные трели его вольной песни звонко раздавались в прозрачном, чистом воздухе, наполненном благоуханиями полей. По обеим сторонам дороги, по волнистым холмам, подымались полосы разноцветных нив, то покрытых зеленеющими хлебами, то черных, *отдыхающих под паром*. На горизонте, где небо сходится с землею, тянулась синяя зубчатая полоса далекого леса. В ложине между двумя длинными холмами виднелись соломенные крыши большого села, разбросанного на скате. Позолоченный крест сельской церкви ярко горел на солнце. С другой стороны дороги можно было заметить вдали небольшую *деревню*, в которой не было церкви.

Дети молчали: новость и прелесть сельской картины глубоко на них подействовали.

Минут через двадцать тарантас застучал по деревянному, довольно ветхому мосту, построенному через глубокий овраг. На дне оврага, в высокой траве, сверкала маленькая речка. За мостом вскоре начался густой, темный лес. Громадные, вековые сосны протягивали над дорогой свои длинные, красноватые, смолистые сучья с колючими, всегда зелеными ветвями. Колеса тарантаса врезались в песок, и лошади пошли шагом.

Лес был большей частью сосновый, но кое-где виднелись пирамидальные ели с своими стройно расположенными сучьями, выгнутыми книзу, как крыши китайских домиков. Там и сям белели стройные березы с кудрявыми, ярко-зелеными верхушками, трепетали вечно дрожащие листочки осины. Внутри леса, между деревьями, царствовали тень, прохлада и тишина. По временам густой лес прерывался полянами. На опушках таких полян, покрытых свежей травой, береза, осина, небольшие елки и тонкий, гибкий орешник, перемешиваясь, составляли красивые группы. В высокой, сочной траве видно было много цветов, а кое-где

блестели, как коралл, ярко-красные ягодки вызревшей земляники. Кукушка отзывалась где-то далеко в глуши леса; по временам раздавался звонкий, резкий крик иволги.

Высокий лес тянулся верст на пять, и дети не могли им налюбоваться. Но лошадям трудно было тащить тарантас по глубокому сыпучему песку, и, кроме того, бедных животных беспокоили овода. Наконец лес стал редеть, и вместо больших сосен показались кустарники. Опушка леса продолжалась еще с полверсты; потом колеса экипажа застучали по более твердому грунту. Опять по обеим сторонам дороги пошли бесконечные поля, расстилающиеся по холмам до самого горизонта.

Через полчаса ямщик сильно погнал лошадей и остановился у небольшого домика. У крыльца стояла толпа ямщиков с медными бляхами на шляпах, две или три телеги и тройка только что воротившихся лошадей. Это была станция. Володя обратил внимание на большой полосатый столб, на котором было крупными буквами написано: «От С. – Петербурга версты».

Деревня, уездный и губернский город²

Меня лошадей на станциях, останавливаясь только напиться чаю и поесть, ночуя в экипаже, потому что погода во всю дорогу стояла прекрасная, ехали наши путешественники два дня или, лучше сказать, двое суток, потому что ехали день и ночь, уезжая в сутки верст по двести и более. Много они проехали маленьких деревень. В иных всего-то было 10 и 15 домов, низеньких, пошатнувшихся набок, с почерневшими бревенчатыми стенами, с полусгнившими соломенными крышами. Много проехали они и больших сел, где иногда попадались прекрасные каменные церкви, несколько домов почище других и две-три маленькие грязные лавчонки, в которых деготь и баранки, пряники и колеса продавались вместе. Эти лавочки были беднее товаром, меньше и грязнее на вид самой жалкой из овощных лавок столицы.

Наши путешественники проехали также три уездных города и даже один губернский. *Губернский город* походил еще на город. По главным улицам его была каменная мостовая, кое-где попадались огромные каменные дома; но между ними не много было таких, к каким дети привыкли в столице. Только один *губернаторский дом* да новые *присутственные места*³, высокий, прекрасный собор и несколько старинных церквей могли бы, как казалось детям, стоять без стыда и на петербургских улицах. Но гостиный двор, посреди огромной, пустой площади, показался им и мал, и беден, и грязен. Тут были, правда, два-три магазина, но какое сравнение с петербургскими магазинами! Было десятка два вывесок; но какое сравнение с петербургскими вывесками! Народу и экипажей на улицах несравненно меньше.

Уездные города были еще меньше и беднее губернского: три-четыре немощенные улицы, обставленные низенькими деревянными домиками, длинные, иногда полуразвалившиеся заборы; огороды и сады посреди города; деревянные столбики вместо тротуаров, коровы и свиньи, бродящие по улицам; пустота, тишина, отсутствие движения! Только пять или шесть каменных домов; площадь, на которой помещались десятка два лавок; каменные *присутственные места*, выкрашенные когда-то желтой охрой; пять-шесть полуистертых вывесок сапожников и портных; вывешенный на палке крендель булочника да изредка городские дрожки доказывали, что это не деревня, а город.

На третий день пути Александр Сергеевич очень рано поутру, когда солнце только что встало, разбудил разоспавшихся в тарантасе детей, говоря, что нужно выйти из экипажа и

² Уездный и губернский город. – В дореволюционное время Россия делилась на губернии, губернии, в свою очередь, – на уезды. Главный город губернии назывался губернским городом, уезда – уездным.

³ Присутственные места. – Присутствиями в дореволюционной России назывались государственные учреждения.

идти пешком. Дети встали, дрожа от свежести утреннего воздуха, и начали с любопытством осматриваться вокруг. Тарантас стоял на берегу реки, к которой круто спускалась дорога. На реке моста не было, но с той стороны реки два перевозчика в синих рубахах гнали к берегу на шестах небольшой, довольно ветхий паром. На этом берегу столпилось в ожидании парома множество крестьян и крестьянок, пешком и в телегах, и возов до десяти с различной кладью. Вozy были нагружены сеном, соломой, мешками с мукой, горшками, кирпичом, дровами; на иных телегах мычали телята и бараны или визжали поросята, у других были привязаны сзади крестьянские лошаденки, быки и коровы. Крестьяне и крестьянки, укрывшись тулупами и рогожами, сидели и лежали на телегах и просто на земле, хотя трава была покрыта серебристой росой. За плечами крестьянок висели корзины с яйцами, в руках были кадочки с маслом, иные держали кур, гусей, пучки луку, рыбу в судках и раков в корзинках, наполненных крапивой.

Александр Сергеевич узнал от крестьян, что они отправляются на торг в уездный город, который был виден на противоположном крутом и высоком берегу реки. Володя видел, какие товары крестьяне везли в город, но ему захотелось узнать, что они будут покупать там. С этим вопросом он обратился к седому старику, который, накрывшись тулупом, сидел на своей телеге, терпеливо дожидаясь перевоза. Старик с трудом понял, о чем его спрашивал Володя, но, понявши, усмехнулся и ласково отвечал:

– Что нам нужно в городе? Как что? Да вот, маленький барин, мне нужно купить соли, а соли в деревне не достанешь; нужен мне и топор, – мой совсем иступился; нужно еще две косы, – уж косовица подходит. Жене куплю в городе ситцевый платок, а детям по прянику. Ведь у нас в деревне, кроме черного хлеба, луку, молока да яиц, ничего не найдешь. Кто может, едет купить себе сапоги, а другому нужна шляпа, кушак или рукавицы. Вот зятю моему понадобились стекла, замок к двери и петли; он, вишь, строит себе избу, а стеклов-то у нас в деревне не делают и слесарей нет; гвоздей тоже, чай, захватит, потому что и гвоздей у нас не найдешь. А там-от-ко стоит моя сноха с петухом и с корзиной яиц, ей нужно кумачу⁴ на кичку⁵, ситцу на сарафан, иголки, чай, все вышли, а может, купит она железный ковш для воды или пару серпов. Да мало ли чего кому нужно! У нас же в деревне, почитай, ничего нету. Что есть, то, как видишь, и везем продавать. Всем же нам, барин, кроме того, нужны деньги...

Весело было переезжать широкую реку на пароме. По всей реке тянулись барки, нагруженные товаром, и медленно двигались по течению длинные неуклюжие плоты. На другом берегу с горы спускался длинный обоз. По всему было видно, что это было место бойкое, *торговое*, где сходились судоходная река и большая проезжая дорога. На высоком и крутом берегу живописно раскинут небольшой, но промышленный город; красные, зеленые и серые крыши его пестрели посреди зеленеющих садов, позолоченные кресты и главы церквей весело играли на солнышке.

Просёлочная дорога

На четвертый день пути наши путники должны были переменить почтовых лошадей на *долгих* и свернуть с большой *почтовой дороги* на *проселочную*.

На проселочной дороге картина несколько изменилась, да и ехать было гораздо беспокойнее. Колеса широкого тарантаса не попадали в глубокие колеи, прорезанные узкими крестьянскими телегами. Тарантас ехал как-то боком, и тряска увеличилась. Но дети не обращали на нее большого внимания: так занимало их все, что они видели. По обеим сторонам

⁴ Кумач – хлопчатобумажная ярко-красная ткань.

⁵ Кичка – праздничный женский головной убор.

дороги стояла высокая, густая рожь. Она уже отцвела, налилась и начинала желтеть. Золотистыми, колеблющимися волнами разливалась она по обе стороны на необозримое пространство. Во ржи синело такое множество васильков, что дети, выйдя из экипажа, мигом нарвали два огромных пучка. Скоро два венка, сплетенные искусными ручками Лизы, свежие, синие и блестящие, перевитые с колосьями ржи, украсили русые головки детей.

На дороге почти никто не попадался. Изредка только проедет мужик с тяжелой сохой, пройдет косарь с блестящей косой или вдали покажется пастух и пестрое стадо. Здесь деревни были уже настоящие деревни: глухие, безмолвные, окруженные полями, лугами и лесами. Подъезжая к деревне, извозчик должен был всякий раз вставать с козел и отпирать скрипучие ворота околицы. Утлая огорожа, сделанная из жердей и кольев для того, чтобы скот, выходя из деревни, не вытапывал полей, задолго еще предупреждала наших путешественников, что они приближаются к деревне.

Наступила рабочая летняя пора, и деревни были почти совершенно пусты. Все крестьяне были в поле на работе, только ребятишки играли на улице да какая-нибудь старуха выходила набрать воды в колодце и немилосердно скрипела длинным шестом, опуская бадью в воду.

Крестьянская изба

Извозчик остановился кормить лошадей у знакомого крестьянина, изба которого была побольше и почище других. Приходилось простоять часа три, и путешественники наши вздумали, что недурно было бы напиться чаю; на вопрос о самоваре старушка усмехнулась.

— Какие у нас, батюшка, самовары! — сказала она. — Мы и чаю-то, почитай что, отродясь не пивали; а вот когда сливочек или яичек милости вашей угодно, так это у нас есть.

Пришлось довольствоваться тем, что было, и дети с удовольствием съели даже засохшую булку, которая одна только и осталась у них от последнего города. Старуха, правда, принесла краюху черного хлеба, но он был так черств, что избалованные горожане до него и не дотронулись.

Здесь в первый раз дети были в настоящей крестьянской избе. Нечего греха таить, она показалась им и грязна, и тесна, и душна. В углу стояла огромная печь, наверху половину

избы занимали полати, закоптелые от дыма. Маленькие, запачканные окна мало пропускали света. Земляной пол был грязен. По голым стенам, между почернелыми бревнами которых торчал мох, ползало множество тараканов. Вся мебель избы состояла из двух больших лавок по стенам, скамейки и большого деревянного стола. На столе стояла деревянная же солонка и лежал хлеб, закрытый грубым полотенцем. У печи висел на веревочке глиняный рукомойник. В переднем углу видно было несколько почернелых образов, украшенных засохшими цветами и ветками березы. В другом углу, за ситцевой занавеской, стояла непривлекательная постель.

Дома, кроме старушки и двух маленьких ребятишек, русые всклооченные головки которых виднелись с полатей, не было никого, а, по словам старухи, семья у нее была большая: старик – муж ее, двое женатых сыновей, две взрослые, еще незамужние, дочери и даже внук, мальчик лет десяти, с ранней зори ушли на косовицу. Там они останутся целый день и воротятся только поздно, поздно вечером, а может быть, и заночуют в поле. Трудную и нероскошную жизнь ведут наши крестьяне в деревнях, но трудами их кормится вся Россия. Из таких маленьких, мрачных, курных изб выходят все те копейки и рубли, на которые выстроен и живет пышный Петербург со всеми своими богатыми лавками и магазинами. Блестящие пароходы и громадные корабли, которые наши дети видели на Неве, пришли из разных государств большей частью за хлебом. Но хлеб в столицу собирается из самых отдаленных мест, по рекам, каналам и дорогам, из всех этих маленьких, бедненьких деревень. На подать, которую дает крестьянин, содержатся блестящие войска, строятся корабли и крепости, из нее же платится жалованье чиновникам. Из крестьянского оброка строятся великолепные дома, покупаются блестящие экипажи. Так, маленькие, незаметные, роющиеся в земле корешки питают пышную, душистую розу, гордо качающуюся на своем тоненьком стебельке. Сорвите розу – вместо нее появится другая; повредите корень – весь куст завянет, и пышная роза не будет больше гордо качаться на тоненькой ветке.

Верст через семь или восемь дорога пошла по крутому берегу живописной речки: она извивалась, как огромная блестящая змея, на дне глубокой речки расстилались далеко луга;

из них, в разных местах, видны были косари, сверкающие своими стальными косами. Извозчик с видимым удовольствием смотрел на эти обширные, зеленые луга.

– Вот луга так луга! – сказал он, обращаясь к Володе, который с позволения отца уселся возле ямщика на козлах. – Какая бы ни была засуха, на них всегда есть трава и покос всегда хороший.

– Отчего же это? – спросил Володя.

– Да оттого, маленький барин, – отвечал ямщик, что всякую весну эта речонка разливается куда как широко – вон под те самые лозы, верст, чай, на семь! Когда же вода потом сбудет, то и трава пойдет расти шибко да гонко, – да такая зеленая, сочная! Эти луга, барин ты мой милый, поёмные⁶, дорогие луга, славные луга! Много они, сердешные, кормят лошадушек, а лошадушки, барин, кормилицы наши. Что бы мы без них стали делать? Они нас и возят, милые, они нам и пашенку пашут и боронят, а придется ли дровец из лесу привезти, – опять-таки за лошадушку. Они нам и навоз дают: без навоза же наши поля родят плохо. Вот и выходит, барин, что луга-то вещь дорогая, особенно луга поёмные. Поле везде распахать можно, хоть бы из-под самого густого лесу: вырубь деревья, повыкорчи корни да и распахивай землю-то; а поёмного луга уж не распашешь! Где Бог дал, там он и есть; а где сена много, там и лошадка, и коровка, и овечки сыты... Эй, вы, сердешные, трогай! – прибавил ямщик, подстегнув слегка правую пристяжную.

Начинало вечереть. Поверхность речки блестела розовым светом. Кое-где чернели на ней стада диких уток. Длинноносый бекас со свистом перепархивал с одного берега на другой, а белые чайки, блестя в воздухе крыльями, с печальным криком носились над водою, зорко высматривали они, не выкажется ли где-нибудь серебристая спинка маленькой рыбки. Рыболовы – так называют этих чаек – большие охотники до рыбы и в этот вечер, наверно, охотились удачно. Рыба то и дело всплескивалась там и сям по реке, ловя комаров и мошек, которые, ища сырости и не находя ее вверху, кучами толклись над водою, предсказывая, что и завтра будет такая же прекрасная погода. Солнце стало садиться и окрасило самыми яркими цветами – золотым, розовым и пурпуровым – серебряные облака, столпившиеся к западу. Отражая косвенные вечерние лучи, речка сверкала, как растопленное золото. Становилось прохладнее; а под ивами, свесившимися над водою, было уже совершенно темно. Утомленные длинной дорогой, дети чувствовали усталость, но до деревни, составлявшей цель их поездки, было уже недалеко.

⁶ Поёмные луга – луга по берегам реки, заливаемые водой в половодье.

Ветер и солнце

Ветер и солнце

Однажды Солнце и сердитый северный Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и наконец решились померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге.

– Посмотри, – сказал Ветер, – как я налечу на него: мигом сорву с него плащ.

Сказал и начал дуть что было мочи. Но чем более старался Ветер, тем крепче закутылся путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду, но ехал все дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождем и снегом; проклиная Ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подвязался поясом. Тут уже Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдернуть. Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамерзшего путешественника. Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

– Видишь ли, – сказало тогда кроткое Солнце сердитому Ветру, – лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом.

Спор воды с огнем

Огонь и вода заспорили между собой, кто из них сильнее. Спорили долго, дрались даже. Огонь донимал воду своим пламенным языком, вода, шипя от злости, заливала расходящееся пламя, но спора решить не могли и выбрали себе в судьи ветер.

– Ветер-ветрило, – сказал судье огонь, – ты носишься по целому свету и знаешь, что в нем делается. Тебе лучше, чем кому-нибудь, известно, как я обращаю в пепел целые селения и города, как своими все уничтожающими объятиями обхватываю необозримые степи и непроглядные леса, как пламя мое рвется к облакам и как бежит передо мною в ужасе все живое – и птица, и зверь, и бледный дрожащий человек. Уйми же дерзкую воду и заставь ее признать мое первенство.

– Тебе известно, могучий ветер, – сказала вода, – что я не только наполняю реки и озера, но и бездонные пропасти морей. Ты видал, как я кидаю, будто щепки, целые стаи кораблей и хороню в моих волнах несметные сокровища и дерзких людей, как мои реки и ручьи вырывают леса, топят жилища и скот, а мои морские волны заливают не то что города и села, но целые страны. Что может сделать бессильный огонь с каменной скалою? А я уже много таких скал источила в песок и засыпала им дно и берега моих морей.

– Все, чем хвастаетесь, – сказал ветер, – обнаруживает только вашу злость, но еще не вашу силу. Скажите мне лучше, что вы оба делаете доброго, и тогда, быть может, я решу, кто из вас сильнее.

– О, в этом отношении, – сказала вода, – нельзя огню и спорить со мною. Не я ли даю питье и животным, и человеку? Может ли без моих капель прозябать самая ничтожная травка? Где нет меня, там только песчаная пустыня, и сам ты, ветер, поешь в ней печальную песню. Без огня могут жить во всех теплых странах, но без воды ничто жить не может.

– Ты забыла одно, – возразил соперник воды, – ты забыла, что и в солнце горит огонь, а что могло бы жить без солнечных лучей, несущих повсюду и свет, и тепло? Там, куда я редко заглядываю, ты сама плаваешь мертвыми глыбами льда посреди пустынного океана. Где нет огня, там нет жизни.

– А много ли жизни даешь ты в африканских пустынях? – спросила злобно вода. – Ты жжешь там целый день, а жизни нет как нет.

– Без меня, – сказал огонь, – вся земля была бы безобразною замерзшею глыбою.

– Без меня, – сказала вода, – земля была бы глыбою бездушного камня, сколько бы ни жег ее огонь.

– Довольно, – решил ветер, – теперь дело ясное: поодиночке вы оба можете приносить только вред и оба одинаково бессильны на доброе дело. Силен же только тот, кто заставил вас да и меня также повсюду бороться друг с другом и в этой борьбе служить великому делу жизни.

Утренние лучи

Выплыло на небо красное солнышко и стало рассылать повсюду свои золотые лучи – будить землю.

Первый луч полетел и попал на жаворонка. Встрепенулся жаворонок, выпорхнул из гнездышка, поднялся высоко-высоко и запел свою серебряную песенку: «Ах, как хорошо в свежем утреннем воздухе! Как хорошо! Как привольно!»

Второй луч попал на зайчика. Передернул ушами зайчик и весело запрыгал по росистому лугу: побежал он добывать себе сочной травки на завтрак.

Третий луч попал в курятник. Петух захлопал крыльями и запел: «Ку-ку-реку!» Куры слетели с нашествий, закудахтали, стали разгребать сор и червяков искать.

Четвертый луч попал в улей. Выползла пчелка из восковой кельи, села на окошечко, расправила крылья и – зум-зум-зум! Полетела собирать медок с душистых цветов.

Пятый луч попал в детскую, на постельку к маленькому лентяю: режет ему прямо в глаза, а он повернулся на другой бок и опять заснул.

Ручей

Много я слышал уже о журчащих ручьях, но никто мне еще не говорил, что такое они журчат. Вот светлый источник, пробивающийся из-под большого камня; усядусь-ка возле него и послушаю, что такое он болтает. Бесчисленные маленькие волны, перегоняя друг друга и журча, пробиваются между камнями и песком, подымая и крутя его белые зернышки.

– Послушайте-ка, вы, маленькие резвые волны, расскажите мне: зачем вы так торопитесь, куда и откуда бежите, почему так суетливо толкаете друг друга?

– О! – залепетали волны. – Нас много, и очень много: там, в горе, нас еще столько, что и счесть невозможно; мы все хотим выйти на божий свет, а ворота узки; вот почему мы так толкаем друг друга, как школьники, когда учитель скажет им: класс кончен!

– Где же вы были до сих пор и что вы делали? Не сидели ли вы в горе с того самого дня, как голубь принес Нюю масличную ветвь⁷, как знак, что воды снова скрылись в землю.

– О нет, нет, нет! – залепетали волны, перебивая друг друга, и каждая из них так спешила рассказать свою историю, что я не мог разобрать ни слова.

⁷ Бог в наказание за грехи людей послал на землю потоп, при котором погибло все живое, кроме семьи лишь одного человека – праведника Ноя и по паре каждого вида животных. Извещая Нюю об окончании потопа, Бог послал к нему голубя с масличной ветвью, считающейся теперь символом мира (*библ.*).

Я наклонился к источнику, зачерпнул горсть чистой, холодной воды и, пропуская ее сквозь пальцы каплю за каплей, выслушивал их поодиночке. Какие дивные истории они порассказали мне!

– Мы, – сказали мне две капли, – были снежинками в прошедшую зиму и, лежа там на горе, весело сверкали на солнце, пока оно весной не растопило нас.

– Мы были двумя градинками, – залепетали другие капли, – и, увы, согрели: положили на землю тяжелый колос.

– А мы были двумя росинками и напоили жаждущий ландыш, – сказали две новые капли.

– Мы носили корабли на море; мы утолили жажду жаждущего и спасли ему жизнь; мы вертели мельничное колесо; нас вспенивал пароход, мы были сладким соком в вишнях, мы – вкусным вином, мы – лекарством, мы – ядом, мы – молоком... – звенели одна за другой прозрачные капли, скатываясь, как перлы⁸, с моих пальцев.

Одна светлая капелька повисла у меня на пальце.

– Я была когда-то слезою, – прошептала она.

– Я – каплею пота, – сказала вслед за ней другая, падая на землю.

– А я уже была в твоём сердце, – прозвенела третья, – была теплой капелькой крови, а потом, когда тыдохнул, я вылетела паром и понеслась к облакам.

Я видел, что этим историям конца не будет, и стряхнул обратно в реку остальные капли, не слушая их болтовни.

Мне хотелось пристыдить хвастливый ручей, и я сказал ему:

– Расскажи-ка лучше, что ты видел нового в своей горе?

«Чему там быть новому? – думал я про себя. – Камни лежат неподвижно от создания мира и будут лежать там вечно, разве человек выкопает их и построит из них дома». Но как же я удивился, когда ручей стал мне говорить самые диковинные вещи.

– Каждая капелька, – говорит он, – побывши дождем или снегом, градом или росой, проникает в землю и работает в ней изо всех сил, не хуже ваших рудокопов: роет для себя самые затейливые ходы и переходы. Если тебе в детстве рассказывали сказки о подземных горных духах и карлах, которые будто бы живут внутри гор и охраняют там металлы и камни, прилежно работая над ними день и ночь, то знай, что эти карлы и духи – мы, маленькие капли воды. Мы кажемся тебе малы и бессильны; но ты видишь, как нас много, и, верно, слышал, что капля, падая за каплей, пробивает и твердый камень. Пробегая между каменными слоями гор, каждая из нас уносит не приметную для твоих глаз частичку той или другой каменной породы. Скоро тяжелая ноша становится не под силу маленькой капле, и она оставляет свой кусочек камня или металла где-нибудь совсем в другом месте. Так строим мы из известки и гипса блестящие красивые кристаллы. Так же мы заносим с собой то красный кусочек железной охры, то зеленый и голубой кусочек медного купороса и раскрашиваем ими другие камни. Иногда доберутся капли воды внутри горы до большой, просторной пещеры... О, да и пещеру-то эту сделали мы же! Она прежде вся была набита солью; но миллионы водяных капель выпили эту соль и унесли ее куда-нибудь в другое место, может быть, в море, где вода, как ты знаешь, такая соленая. В такой пещере нам привольно работать: звучно падаем мы с потолка и, оставляя на нем приносимые нами кусочки камня, строим самые диковинные вещи, похожие на ваши церкви и башни. Ты видел, вероятно, как зимою, растаивая на солнышке и стекая с крыши, превращаемся мы от холода в длинные прозрачные сосульки. Наша подземная работа немножко похожа на эту; только там мы работаем сосульки не из воды, а из известки (сталактиты); сами же уходим дальше. На дне пещер собираются капли в подземные озера; потом выбегают оттуда в расселины скал и прыгают шумными водопадами со скалы на скалу. К нам прибегает иногда напиться горная саламандра, небольшое длинное животное, бледное и слепое; вам скучно в этих пещерах без солнца, а оно боится, как смерти, солнечных лучей. Если на дороге попадается на горе кусок дерева, мы начнем хлопотать изо всех сил: каждую клеточку наполним кремнем или известкой, древесину же разломаем и унесем прочь – словом, сделаем то, что вы называете окаменелым деревом,

⁸ Перлы – жемчуга (устар.).

но называете совершенно несправедливо, потому что там дерева нет ни крошки, а все один чистый камень: от дерева осталась одна только форма. И сколько нам было хлопот, чтобы выделать из камня каждую жилку, каждую ячейку!

В это самое время набежала новая волна и начала мне рассказывать другую историю: она говорила, как водяные капли мало-помалу подрывали целую гору в Швейцарии, так что она со всеми своими тяжелыми камнями, с землею, покрывавшей эти камни, и с деревьями, которые росли на земле, рухнула в долину и засыпала четыре деревни с людьми и животными. Но я прервал печальный рассказ и сказал волнам, что не люблю слушать о делах разрушений и гибели.

– Расскажи-ка мне лучше, – спросил я снова у ручья, – что-нибудь другое. Если твои капли внутри горы так много едят и пьют, так много разрушают и строят, то нет сомнения, что и твоя светлая вода, сквозь которую я так ясно вижу и маленький камешек, и крошечную блестящую рыбку, совсем не так чиста, как кажется с виду?

– Легко, очень легко может случиться, – отвечал ручей, – что тот или другой из моих маленьких работников унес с собою то тот, то другой материал.

– Но какие же материалы, куда и зачем несут твои хлопотливые работники? – спросил я у ручья.

– Мы несем известку, – отвечали одни капельки, – нас уже давно ждут миллионы маленьких морских животных: улиток, полипов, морских звезд, которым нужно строить себе жилище, и крепкие кораллы, а для кораллов нужно много известки, потому что из кораллов делаются целые острова в океане.

– Мы несем кремнезём, – пролепетали другие капли, – множество инфузорий и растений ждут нас давно; даже травка на берегу и та просит, чтобы мы дали ей частичку.

– Мы несем воздух в маленьких незаметных пузырьках, – звенели новые капли, – воздух, без которого не могли бы дышать в воде ни рыбки, ни другие водяные животные.

– Мы несем угольную кислоту, чтобы напоить ею корешки незабудки, мы – гипс; мы – железо; мы – фарфор; мы – множество соли, которая нужна бесчисленным растениям, животным и даже вам, людям. Не вы ли приходите лечиться к нам и рады-радехоньки, когда почувствуете, что в нас есть или сера, или железо, или какой-нибудь другой минерал, который вам помогает в болезнях? Тогда вы величаете нас минеральными ключами, целебными источниками, а иногда и теплыми ключами, если мы выходим к вам, нагретшись прежде у подземного огня. Вы тогда ухаживаете за нами, вычищаете от сору, устраиваете для нас красивые бассейны, строите возле нас богатые дома, ванны, гостиницы, целые города! Неужели ты

ничего не слыхал о Баден-Бадене, Эмсе, Пятигорске, Кисловодске или других каких-нибудь местах, прославленных нашими целебными источниками?

– О, не думай, что мы ничего не делаем, – зажурчали все капли вместе. – Напротив, мы никогда не знаем покоя и трудолюбивее муравьев, которые вечно строят свое жилище, вечно суеются, бегают и таскают кусочки соломы втрое больше себя. Нароботавшись вволю и в облаках, и в траве, и в листьях, которые мы так освежаем, напоив растения, животных и людей, мы спешим в ручей, а по дороге вертим мельничные колеса и носим лодки, из ручья бежим в реку, из рек в широкое безбрежное море; тут-то, кажется, можно нам было отдохнуть и успокоиться, но лучи солнышка пригреют нас и превратят в легкий туман. Поднявшись высоко, мы станем облаками и понесемся по небу, пока не найдем места, где снова ожидает нас работа. Мы работаем без усталости и не скучаем: нам весело, что мы принимаем такое деятельное участие в божьем мире и поим неисчислимые миллионы растений, животных и людей.

Четыре желания

Четыре желания

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замерзшей реке, прибежал домой румяный, веселый и говорит отцу:

– Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы все зима была!

– Запиши твое желание в мою карманную книжку, – сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пестрыми бабочками по зеленому лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.